

На правах рукописи

Аношина Анна Валерьевна

Художественный мир Варлама Шаламова

Специальность 10.01.01. – русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Архангельск

2006

Работа выполнена на кафедре теории и истории литературы
Северодвинского филиала
Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: кандидат филологических наук, профессор
Фесенко Эмилия Яковлевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Сигов Владимир Константинович

доктор филологических наук, профессор
Галимова Елена Шамильевна

Ведущая организация: Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова

Защита состоится 8 декабря 2006 г. в 14 часов на заседании
диссертационного совета К 212.191.03 при Поморском государственном
университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 164520, Архангельская
область, г. Северодвинск, ул. Торцева, д. 6, ауд. 21.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Поморского
государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 163002,
г. Архангельск, пр. Ломоносова, 4.

Автореферат разослан 3 ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
профессор

Э.Я. Фесенко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современном литературоведении понятие «художественный мир» активно разрабатывается в нескольких аспектах (литературоведческий, семиотический и др.). Различные научные подходы позволяют постичь разные стороны художественного мира, однако в литературоведении утверждается представление о художественном мире как об авторской модели мира. Особое внимание в современных филологических исследованиях уделяется изучению художественного мира русских писателей XX века, так как литературный процесс этого времени отразил новую фазу общественно-исторического развития, с которой связана переоценка некоторых ценностей, трагические «смыслоутраты» и «богоутраты», связанные, в том числе, и с появлением тоталитарных государств, фашистских и сталинских концлагерей, в которых гибли миллионы людей. Варлам Тихонович Шаламов в лагерях и тюрьмах провел около 20 лет и трагические «смыслоутраты» испытал на собственном «отрицательном» опыте. В своих «Колымских рассказах» он создал картину действительности, в которой нашли отражение кризис культурного и общественного сознания и собственное трагическое мироощущение.

Степень исследованности темы. Творчество В.Т. Шаламова долгое время было недоступно читателю. Официально и в полном объеме «Колымские рассказы», которые делятся на шесть циклов, впервые были изданы в 1992 году: в конце 1980-х годов в журналах публиковались лишь отдельные шаламовские рассказы. Уже тогда предпринимались попытки аналитического осмысления прозы В.Т. Шаламова в статьях Л. Тимофеева, Е. Шкловского¹ и др. Одной из первых фундаментальных работ стала монография Е. Шкловского «Варлам Шаламов»², предметом исследования

¹ Тимофеев Л. Поэтика лагерной прозы // Октябрь. 1991. №3; Шкловский Е.А. Правда Варлама Шаламова // Дружба народов. 1991. №9.

² Шкловский Е.А. Варлам Шаламов. – М., 1991.

в которой стало все прозаическое творчество Шаламова.

В последнее десятилетие было опубликовано множество работ, в которых *описывается биография писателя* (И.П. Сиротинская, Б. Лесняк, Ю. Шрейдер), *проводится сопоставительный анализ «лагерной» темы в творчестве Шаламова и других русских и зарубежных писателей XIX – XX веков* – Ф.М. Достоевского, А. Солженицына, Г. Владимова, Т. Боровского и др. (А. Василевский, О.В. Васильева, В.А. Гаврилов, Г. Шурмак, В. Френкель, Т.В. Лошакова и др.). В литературной критике можно выделить несколько направлений, сложившихся в шаламоведении: одни литературоведы рассматривают *философско-эстетические аспекты творчества Шаламова* (Ю. Шрейдер, М. Берутти, В.В. Есипов), другие *анализируют художественное своеобразие «новой прозы» В.Т. Шаламова* (Е.В. Волкова, Ф. Апанович, Н.А. Молчанова, Н.Л. Лейдерман), в ряде работ шаламовские тексты *вписываются в контекст мировой литературы* (Л.В. Жаравина, А. Шуралев, З.А. Вечкилова). Творчество Шаламова вызывает большой интерес не только у отечественных, но и у зарубежных исследователей: Ф. Апанович (Польша), Мирей Берутти (Франция), Л. Токер (Израиль), Минако Токаги (Япония), Майкл Бревер (США), Елена Михайлик (Австралия) и др. Таким образом, в современном литературоведении изучение творчества В.Т. Шаламова является одним из активно развивающихся направлений.

При всем многообразии научных исследований в шаламоведении остаётся ещё нерешённым ряд важных проблем, одна из которых связана с вопросом о мифопоэтике текстов писателя. Следует отметить, что изучение мифопоэтики стало одним из основных направлений в литературоведении последних десятилетий, о чем свидетельствует большое количество исследований как в российских, так и в зарубежных изданиях. Мифопоэтический анализ особенно важен для произведений двадцатого века, так как культура XX века стала чаще обращаться к архаическим

структурам. При этом следует отметить малочисленность работ, посвященных проблемам мифопоэтики «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова³. Работы, в которых дается целостный анализ циклов «Колымских рассказов» в мифопоэтическом аспекте, отсутствуют.

В связи с этим **актуальность** темы диссертационной работы обусловлена необходимостью системного и целостного изучения творчества писателя, не менее важным в котором представляется выявление интертекстуальных корреляций шаламовских рассказов в литературно-философском контексте эпохи, а также изучение мифопоэтики его творчества.

Научная новизна исследования состоит в использовании нового подхода к изучению художественного своеобразия «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова – сочетание анализа мотивной структуры пространственно-временной организации шаламовских циклов рассказов. Данная работа представляет собой попытку анализа сборника «Колымских рассказов» с точки зрения литературоведческой категории *художественный мир*, который вмещает в себя и поэтику «новой прозы», и систему основных экзистенциальных мотивов в его рассказах в их связи с мифопоэтикой этого цикла, что и стало **предметом** нашего исследования. **Объектом** изучения является сборник «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова, созданных в 1954 – 1973 гг.

Цель работы – исследовать своеобразие художественного мира «Колымских рассказов» Шаламова, с одной стороны, в аспекте их идейно-художественной целостности, а с другой – в свете философско-эстетических взглядов писателя.

Поставленная цель обусловила выполнение следующих **задач**:

– проследить эволюцию «лагерной» темы в русской литературе XIX –

³ Михайлик Е. Варлам Шаламов: рассказ «Ягоды». Пример деструктивной прозы... // IV Международные шаламовские чтения. – М., 1997; Мекш Э.Б. Мифологический архетип в искусстве и в жизни: (Всеволод Иванов и Варлам Шаламов) // Русская литература. 2002. № 2.

XX вв. и выявить своеобразие ее осмысления В.Т. Шаламовым;

- проанализировать поэтику «новой прозы» В.Т. Шаламова;
- исследовать основные экзистенциальные мотивы в «Колымских рассказах» – мотивы *абсурдного мира, одиночества, обреченности, воскресения*;
- провести анализ мифопоэтики «Колымских рассказов», в частности, природно-космических мифологем «земля», «вода», «огонь», «воздух».

Цель и задачи исследования обуславливаются пониманием того, что понятие «художественный мир»⁴ вбирает в себя и первичную, и вторичную – вымышленную – реальность, одновременно и противопоставляя, и сопоставляя ее.

Некоторые исследователи (М.Ю. Лотман, Н.А. Фатеева, Л.В. Чернец и др.) отмечают, что художественный мир как единая система предполагает наличие развитого мета-уровня (ряда объектов с обобщающими формулировками, благодаря которым текст (тексты) приобретает внутреннее единство). Важными его составляющими являются единый стиль произведения (произведений) и метасюжет (инвариантная модель, порождающая конкретные сюжеты-варианты на уровне текста), которому соответствуют определенные мотивы и особое художественное пространство. Поэтому методика исследования, объединяющая мотивный анализ и анализ мифопоэтики художественного пространства, является наиболее плодотворной, так как учитывает структурно-композиционные особенности произведения, позволяет осмыслить художественный мир произведения в особом ракурсе, при котором созданная в «Колымских рассказах» модель мира приобретает универсальное содержание, выходит «за социально-исторические и пространственно-временные рамки»⁵.

⁴ Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности. – М., 1996; Гаспаров М.Л. Избранные труды. – М., 1997; Чернец Л.В. Мир произведения // Введение в литературоведение. – М., 1999; Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 2000.

⁵ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М., 1995. С. 295.

Методологическую и теоретическую базу диссертации составили исследования по теории художественного пространства (М.М. Бахтин, Д.С. Лихачев, В.Я. Пропп, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров); в области теории мифа и мифопоэтики (К.Г. Юнг, М. Элиаде, Е.М. Мелетинский, В.Н. Топоров), мотивного анализа прозаического произведения (В.И. Тюпа, И.В. Силантьев).

Методика исследования базируется на пространственно-временном и мотивном видах анализа. Комплекс этих видов анализов применяется при изучении «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова впервые. В работе используется также сравнительно-типологический вид литературоведческого анализа.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что предложенный в исследовании подход к изучению мифопоэтики художественного мира Шаламова и ее взаимосвязи с экзистенциальными мотивами в «Колымских рассказах» может быть применен при дальнейшем изучении творчества В.Т. Шаламова. Результаты исследования могут дополнить известные аспекты комплексного филологического анализа и интерпретации прозаических произведений.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в том, что его основные положения и выводы могут быть использованы в вузовском курсе «История русской литературы», в специальных курсах, посвященных «лагерной прозе» и творчеству Варлама Шаламова, в частности.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Особенность «Колымских рассказов» В.Т. Шаламова состоит в том, что в них отразились духовный опыт писателя, индивидуально-авторское художественное мышление, обладающее чертами как экзистенциального, так и мифологического сознания, что нашло отражение в мотивной структуре и

пространственной организации его произведений.

2. В «Колымских рассказах» основное внимание писатель уделяет исследованию проблемы разрушения личности в лагере и возможности духовного возрождения человека. Большую роль в раскрытии духовного мира персонажей Шаламова играют автопсихологизм «новой прозы» и имплицитно-подтекстовый способ повествования.

3. Спецификой «Колымских рассказов» является наличие ярко выраженных экзистенциальных мотивов – мотивов *абсурдного мира, одиночества, обреченности, воскресения*. Своеобразие художественного мышления Шаламова раскрывается в сопоставлении его рассказов с экзистенциальными произведениями Л. Толстого, Л. Андреева, А. Камю, Ж. - П. Сартра и др. Возможность рассмотрения «Колымских рассказов» в данном контексте доказывает, что на творческую манеру Шаламова значительное влияние оказали русская и европейская экзистенциальные традиции.

4. Одним из важнейших средств создания художественной модели мира в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова являются природно-космические мифологемы (земля, вода, огонь, воздух), благодаря которым в произведении соединяются элементы древнего архаического мышления и индивидуально-авторское мифотворчество. Истоки используемых Шаламовым мифологем можно обнаружить в библейских образах, в славянских и античных мифах.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры теории и истории литературы Северодвинского филиала Поморского государственного университета им. М.В. Ломоносова (2005, 2006). Основные положения исследования были представлены на Ломоносовских чтениях, состоявшихся в Поморском государственном университете им. М.В. Ломоносова (2003 – 2005); на Всероссийской конференции «Проблемы литературы XX века» (Северодвинск, 2003); на научной конференции «Филологические чтения» (Северодвинск, 2006), на научной

конференции «Славянские литературные традиции» (Северодвинск, 2006), на научной конференции «Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании» (Москва, 2006). По теме исследования имеется 8 публикаций.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** к диссертации обосновывается актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируются его цели, задачи, определяются предмет и методика работы. Здесь же предлагается краткий обзор научной литературы, посвященной изучению творчества В.Т. Шаламова.

В **первой главе** «Поэтика «новой прозы» В.Т. Шаламова» рассмотрено художественное своеобразие его творчества, в частности, проведен сопоставительный анализ «Колымских рассказов» с произведениями А. Солженицына, С. Довлатова и др., проанализированы стилистические особенности прозы Шаламова, исследованы ключевые экзистенциальные мотивы рассказов Шаламова.

В первом параграфе «К вопросу о «лагерной» теме в русской литературе XX века» прослеживается эволюция «лагерной» темы в русской литературе и выявляется своеобразие осмысления данной темы В.Т. Шаламовым.

В произведениях писателей девятнадцатого века, обратившихся к теме каторги (Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов), и в произведениях писателей двадцатого века, писавших о советских лагерях (А.И. Солженицын, В.Т. Шаламов, С.Д. Довлатов и др.) прослеживается много общего в изображении жизни заключенных: особое внимание уделяется описанию их труда и быта, исследуется влияние тяжелых условий жизни на личность

человека. Имея один предмет изображения (тюрьма, лагерь, каторга), специфическую типологию персонажей (заключенные, начальство, охранники и пр.) и описывая практически одинаковое реальное пространство (бараки, колючая проволока, караульные вышки, фонари и пр.), писатели в своих произведениях создавали разные модели мира, в зависимости от цели, которую преследовали, оригинальности творческого метода и художественного мышления, причем каждый автор, писавший о тюрьме или лагере, привносил свой личный опыт, свое понимание мира. Благодаря этому в каждом произведении возникает свой, не похожий на другие художественный мир.

Шаламов изобразил в своих произведениях самые суровые лагеря – колымские, в которых выжить заключенным было почти невозможно. В повести «Один день Ивана Денисовича» и в романе «В круге первом» Солженицына лагерный мир не столько уничтожал, сколько испытывал человека, причем испытания в нем могли стать и причиной его духовного развития. У Шаламова же лагерь предстает «школой зла», в котором все направлено на разрушение личности, каждый день в нем несет реальную угрозу для жизни. В отличие от Солженицына, Шаламов особое внимание уделял самым трагичным моментам жизни людей в лагере, создав мир «инобытия».

В «Колымских рассказах», в отличие от «Зоны» Довлатова, жизнь в лагере оценивалась с точки зрения узника, а не надзирателя. Шаламов и Довлатов сходились во мнении, что тяжелые условия жизни в лагере способствуют не только физической, но и моральной деградации человека

В отличие от Шаламова, у Солженицына и Довлатова «зло» – лагерная система, описанная в их произведениях, – социально и конкретно-исторически приурочено: главный источник «зла» – советская власть. У Шаламова источником «зла» является не только советская власть, но и система насилия над человеком вообще и власть, которая узаконила это

насилие. По мнению Шаламова, насилие было свойственно человеку во все времена в большей или меньшей степени, поэтому «расстрелы тридцать седьмого года могут повториться снова». В мировой истории есть много аналогов, подтверждающих мысли Шаламова. Не случайно он сравнивает жизнь в лагере с египетским рабством («Инженер Киселев»), с правлением Ивана Грозного («Леша Чеканов, или Однодельцы на Колыме»). Один из важных тезисов писателя: лагерь «мироподобен», лагерь – это «модель мира».

Проведя сопоставительный анализ «Колымских рассказов» с произведениями Ф. Достоевского, А.П. Чехова, А. Солженицына, С. Довлатова и др., можно говорить об особом экзистенциальном мироощущении писателя, которое нашло отражение в его «Колымских рассказах», автопсихологизме «новой прозы» и особом философско-нравственном осмыслении лагерного опыта писателем.

Во втором параграфе «Художественное своеобразие «новой прозы» В.Т. Шаламова» выявляются характерные для творчества писателя особенности стиля, в частности, имплицитно-подтекстовый способ повествования, большое внимание к детали, через которую раскрывается внутренний мир персонажей.

В связи с этим особое значение приобретает выявление роли художественной детали в «Колымских рассказах». Для прозы Шаламова характерно большое количество описательных деталей, благодаря которым его рассказы приобретают этнографическую достоверность. В ней много деталей, подчеркивающих натурализм происходящего.

Одним из основополагающих принципов «новой прозы» является лаконизм. Шаламов выступал против «беллетристических условностей и украшений», устоявшихся конвенций, избитых схем и литературных трафаретов. Он был убежден, что все языковые средства в «новой прозе» должны быть информативными. Исповедуя принцип экономии словесного

материала, Шаламов отказывается от развернутых характеристик персонажей, описания их портретов, многословных монологов, значительных по объему описаний природы и т.д.

Однако в каждом шаламовском тексте всегда присутствует несколько художественных деталей, «запрятанных» в текст или, наоборот, выделенных крупным планом, несущих повышенную смысловую нагрузку, придающих повествованию глубокий философский подтекст и психологизм («На представку», «Сгущенное молоко», «Первый чекист» и др.).

Благодаря художественным деталям проза Шаламова приобретает многозначный и многослойный подтекст. Описание лагерной реальности (голод, холод, унижения) – это только первый, поверхностный план; при более глубоком осмыслении художественных деталей в этой внешне документальной прозе возникает сильный ассоциативный поток, появляется субъективный план, что позволяет автору размышлять об истинной природе человека, об истоках мирового зла в человеческом обществе.

В третьем параграфе «Экзистенциальные мотивы в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова» анализ ключевых мотивов (*абсурдный мир, одиночество, обреченность, воскресение*) позволяет говорить о том, что «Колымские рассказы» – это прежде всего философское осмысление писателем лагерного опыта.

Своеобразие художественного мышления В. Шаламова раскрывается и в сопоставлении его рассказов с произведениями Ж.-П. Сартра, А. Камю и др., несмотря на жанровое различие этих произведений. Возможность их сопоставления доказывает, что в творческой манере Шаламова синтезируются русская и европейская повествовательные традиции.

Мир шаламовского героя ограничен замкнутым пространством. Весь остальной мир находится за пределами его непроницаемого Я. «Экзистенциально-смертное ощущение жизни» является эмоциональной доминантой шаламовских рассказов, персонажи которых постоянно

чувствуют рядом с собой призрак смерти – своей и чужой. С точки зрения В.В. Заманской, это ощущение создается ситуацией жизни и смерти, «принципиальной для экзистенциального сознания».

Своеобразие художественного мира «Колымских рассказов» определяется экзистенциальным мироощущением персонажей Шаламова, которые, находясь в состоянии одиночества, потерянности, обреченности, осознают абсурдность окружающего их мира. Абсурдность лагерного мира показана и у Солженицына, и у Довлатова. Значительное различие наблюдается в отношении к абсурду главных персонажей этих произведений: у Шаламова и Довлатова абсурдность лагерного мира ощущает образованный, думающий человек, способный осознать враждебность лагерной системы, у Солженицына в «Одном дне Ивана Денисовича» главный персонаж – крестьянин, который «сжился» с лагерным миром, изучил его законы и даже оправдывает некоторые из них. При этом следует отметить, что Солженицын сознательно дистанцируется от своего персонажа. Он, как и читатель, поражен, что человек может приспособиться к миру ГУЛАГа. Довлатовский Борис Алиханов предстает «посторонним» человеком, который не может принять окружающий мир, и все происходящие с ним события в лагере оценивает со стороны, как будто они происходят с кем-то другим. В «Колымских рассказах» в основном представлены два типа человека абсурда: «бунтующие» герои («Последний бой майора Пугачева», «Тишина», «Надгробное слово» и др.) и персонажи, у которых нет физических и моральных сил сопротивляться абсурду («Ночью», «Васька Денисов, похититель свиней» и др.). Основные персонажи «Колымских рассказов» – представители интеллигенции – пытаются преодолеть абсурдность и хаос происходящего и противопоставляют им «другое» пространство, где основополагающими оказываются категории «памяти», «творчества».

Шаламов постоянно моделирует жизненные ситуации, в которых в

полной мере раскрывается внутренний мир персонажей: состояние одиночества, осознание близкой смерти. В экзистенциальной литературе такие ситуации называют «пограничными».

Моделируемая Шаламовым ситуация одиночества, характеризует положение человека в мире и носит онтологический характер: человек остается один на один с миром, не может найти опору ни в Боге, ни в «другом» («Хлеб», «Серафим» и др.), хотя как ни парадоксально, одиночество может стать условием для самопознания и творчества («Тропа», «По снегу» и др.).

В «Колымских рассказах» наряду с мотивом *одиночества* одним из ключевых является мотив *обреченности*. Шаламов, создавая поэтику небытия, сосредоточивает свое внимание на исследовании психики обреченного человека. В его рассказах показаны особенности поведения обреченных людей в лагере: шок от несовпадения действительности, какой она должна быть, и реальности, в которую попал человек («Одиночный замер»), концентрация внимания на мелких житейских заботах для отвлечения от самого страшного («Дождь»), неспособность к самоубийству («Две встречи»), фатализм («Надгробное слово», «Зеленый прокурор»). Многие наблюдения В. Шаламова подтверждены замечаниями психологов, ведущих реабилитационную работу с бывшими заключенными, например, психолога В. Франкла.

Шаламова волнует и проблема духовной смерти человека в лагере. Для писателя важно было показать, что процесс умирания души напрямую зависит от физического состояния человека, передать, насколько губительно постоянное подавление личности вследствие принуждения к непосильному труду, физическим издевательствам, каждодневной угрозой расстрела или наказания. При этом физиологическое угасание человека в шаламовских рассказах приобретает символично-метафорическое значение, превращаясь в состояние души – экзистенциальное состояние. В рассказе «Причал ада»,

мотив *обреченности* подчеркивается аллюзиями на сюжет путешествия в загробный мир, аналогом которого предстает лагерь.

Большую роль в раскрытии мотивов *обреченности* и *одинокости* играют образы колымской природы. Природа в «Колымских рассказах» может быть враждебной, «чуждой» человеку («Плотники») или «понимающей», подчеркивающей его духовное общение с миром («Кант»).

Персонажи Шаламова, находящиеся в мире абсурда, отчетливо ощущающие одиночество и конечность своего существования, готовы к духовному общению с миром, благодаря которому происходит нравственное возрождение человека. Важнейшим способом «экзистенциальной коммуникации» для персонажей «Колымских рассказов» является культура, так как для самого В. Шаламова искусство всегда было соотносимо с «жизнетворчеством», поэтому в его рассказах соединились «текст искусства» и «текст жизни», часто оказывались смешанными реально-биографическое Я и Я героя-рассказчика.

Знак мировой культуры – Слово – в «Колымских рассказах» является символом возрождения («Сентенция», «Афинские ночи» и др.). Диалог на языке мировой культуры и искусства становится средством «экзистенциальной коммуникации» не только для персонажей «Колымских рассказов», но и для самого автора, проза которого насыщена многочисленными отсылками к мировой художественной литературе, живописи, музыке.

Во **второй** главе «Мифопоэтика художественного пространства «Колымских рассказов» В. Шаламова» анализируется роль мифологем «земля», «вода», «огонь», «воздух». В современном литературоведении существует несколько трактовок термина «мифологема». М.С. Захарова и В.В. Анисимова в определении мифологемы выделяют диахронический и синхронический подходы. Представители диахронического подхода предпочитают, анализируя мифологемы, видеть прежде всего их

устремленность в древнейшие пласты человеческого сознания (А. Альварес де Миранда, И.М. Дьяконов, А.С. Козлов и др.). Представителями синхронического подхода (М.С. Телегин, Я.В. Погребная, Н.С. Автономова, М.С. Захарова, В.В. Анисимова и др.) мифологема воспринимается не как самостоятельная единица, представляющая вариант архаического мифа, но как составляющая художественного мира писателя. При этом мифологемы архаического времени и современные мифологемы моделируются по одному принципу, входящему в систему мифомышления в целом: «Интерпретированный в современности архаический миф одновременно выступает в качестве инструмента познания прошлого и средством разрешения экзистенциальных проблем, с другой – методологической базой для познания современности»⁶. Мы в своем исследовании придерживаемся синхронического подхода и под мифологемой понимаем «некий концепт, отображающий изначальное знание во внелогичной форме, представляющее основу для создания новой мифологии»⁷.

В «Колымских рассказах» мифологемы земли, воды, огня, воздуха воплощают основные мифопоэтические значения и в то же время наполняются новым смыслом, тем самым участвуя в создании новой художественной реальности.

В первом параграфе «Мифологема земли» нами были выявлены основные архетипические значения исследуемой мифологемы и отражение в ней авторского миропонимания. Мифологема земли в «Колымских рассказах» имеет основные архетипические значения: «могила», «кладбище», «укрытие»; при этом она участвует в реализации мотивов *одиночества, обреченности и воскресения*. Основным воплощением мифологемы земли можно назвать гору, которая предстает в «Колымских рассказах» «мировой координатой», центром колымского «антимира» и

⁶ Анисимова М.С., Захарова В.Т. Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе русского Зарубежья: Монография. – Н. Новгород, 2004. С. 17.

⁷ Там же. С. 21.

воплощает основное архетипическое значение «могила», «кладбище» («Графит», «По лендлизу», «Причал ада» и др.). Эпизоды создания горы-могилы в рассказе «По лендлизу», описание строительства заключенными здания для роты усиленного режима в рассказе «РУР» позволяет рассматривать «Колымские рассказы» в контексте «строительных текстов» («Котлован» А. Платонова, «Пирамида» Л. Леонова), по которым можно понять, как произошедшая в стране революция подменила понятие «жить» понятием «строить жизнь». Однако если в этих произведениях стройка была символом доведенной до крайности идеи перестройки общественных отношений после революции, то создание горы-могилы и строительство в рассказах Шаламова становится символом смерти, преступления против человечества и памяти о погибших на Колыме. Символом памяти в прозе Шаламова становится камень, из которого сделаны могилы на Колыме, ему противопоставлена быстрорастущая, скрывающая следы преступления трава – символ забвения.

Мифологема земли в архетипическом значении могилы, убежища, укрытия, воплощаются в образах пещер, ям, шурфов. Под землёй человек, с одной стороны, укрывается от страшного мира концлагерей, с другой – заживо хоронит себя в глубине колымской земли («Дождь», «Последний бой майора Пугачева», «Июнь» и др.).

Архетипическое значение могилы в «Колымских рассказах» несет и образ леса, который является символом «пограничной» ситуации, пространством смерти, сохраняя такое свое архетипическое значение, как «пространство, несущее в себе гибель», вызывающее у человека чувство страха, что демонстрирует наличие элементов архаического мышления в сознании персонажа («Зеленый прокурор», «Последний бой майора Пугачева» др.).

В отличие от образа леса, образ таежного дерева несет положительную окраску, приобретая черты Мирового Древа. В мифологии образ Мирового

Древо было одновременно связано с жизнью и смертью, при этом понятие смерти имело положительный оттенок, когда включало в себя идею возрождения. При этом образ Мирового Древа связывался с категориями «жертвенность» и «посредничество». «Посредничество» заключалось в том, что Мировое Древо было способно соединять разные пространственные и временные миры. Эти архетипические значения Мирового Древа нашли свое отражение в «Колымских рассказах» Шаламова в образах Лиственницы и Стланика. В рассказе Шаламова «Графит» Лиственница становится символом жертвенности – «Богородицей Чукотской», «Девой Марией Колымской», «раненое» тело которой «источает» сок. Описывая деревья, В. Шаламов часто обращается к приему антропоморфизма («Сухим пайком», «Кант»), что соответствует мифопоэтической традиции, так как в древности считалось, что человек после смерти превращается в дерево. В свою очередь, персонажи Шаламова тоже «приобретают» некоторые свойства деревьев: «...на каждом лице Колыма написала свои слова, оставила свой след, вырубил лишние морщины...». Деревья постоянно сравниваются с мертвым человеком: писатель видит предсмертные судороги деревьев, «гиппократову маску дерева», матрацы больных набиты ветками стланика, хвойными иглами, сучьями, «выгибавшимися как живые или, по крайней мере, мертвые человеческие руки, такие же худые, такие же черные». В рассказах Шаламова особое значение имеет образ поваленного дерева. Например, в рассказе «Заклинатель змей» этот образ становится яркой художественной деталью. На поваленной бурей лиственнице беседует рассказчик с бывшим киносценаристом Платоновым, которому пришлось стать «романистом»: за еду пересказывать уголовникам книги Конан Дойля, Дюма и др. Не следует забывать, что сам Шаламов считал «тисканье романов» «последним унижением, концом». Образ поваленной лиственницы придает более глубокий смысл всему рассказу, подчеркивая духовную смерть Платонова.

Образы северных деревьев (лиственница, стланик) участвуют и в реализации мотива *воскресения, возрождения, сохранения* человеческого в человеке. В суровых северных условиях деревья лишены всего самого необходимого, как и заключённые на Колыме, но таежные деревья своей необыкновенной силой к жизни подают пример усталым, замёрзшим, голодным людям («Стланик», «Воскрешение лиственницы» и др.). В «Колымских рассказах» они являются воплощением мифологемы Матери-земли как символа плодородия и возрождения. Не случайно цикл рассказов «Левый берег» о сопротивлении, о «размораживании» души, обретении, утерянных ценностей начинается с рассказа «Воскрешение лиственницы», в котором изломанная, «мёртвая» ветка дерева, проделавшая дальний путь из Колымы в Москву, вдруг оживает не благодаря тому, что она оказалась в тепле и была поставлена в воду, тем более, что вода в Москве «злая, хлорированная», «мертвая», а потому, что в ветке «разбужены иные, тайные силы». Она воскресает, повинуясь человеческой «силе и вере»: поставленная в банку с водой в годовщину смерти мужа хозяйки, она воскрешает «память о мёртвом». В этом рассказе Шаламов использует мифологический сюжет об умирающем и воскресающем богочеловеке, которым у него является поэт. Писатель убежден, что есть только «один род бессмертия – искусство», поэтому в его рассказе и появляется погибший поэт, память о котором хранит его жена. Здесь ощущается перекличка с известными мифологическими сюжетами, в которых основная идея Древа жизни связана с жизненной силой и бессмертием.

Мотив *воскресения* вписывается в современные концепции неомифологического сознания, в рамках которого актуализируется мифологическая циклическая модель времени. Эта сторона трактовки Шаламовым теории времени напрямую соотносится с циклическим временем аграрного культа, с мифом о вечном возвращении.

С мотивом *воскресения* в «Колымских рассказах» тесно связан мотив

пути, в создании которого большую роль играют образы дороги («Заговор юристов»), тра́па («Причал ада», «Крест»), тропы́ («Ночью», «Почерк», «Храбрые глаза»), берега («Укрощая огонь»), через которые происходит переход персонажа из одного пространства в другое, из одного состояния в другое, из «мира живых» в «мир мертвых».

В притчах Шаламова («Тропа», «По снегу») в иносказательной форме описывается творческий путь художника. Основная идея в них заключается в том, что творческий дар – это большая ответственность, ибо каждый художник должен проложить свою «тропу» в творчестве. В притчах Шаламова одиночество предстает необходимым условием для возможности творческой работы и для самопознания.

Во втором параграфе «Мифологема воды» идет речь о том, что исследуемая мифологема в «Колымских рассказах» выражает важнейшие «фрагменты картины мира» Шаламова (жизнь, смерть, память, творчество) и основные архетипические значения: вода как воплощение жизни человека («Утка»), символ возрождения («Перчатка», «Воскрешение лиственницы», «Поезд»), эквивалент крови («Букинист», «"Сучья" война»), наказание («Дождь»), знак опасности или смерти («Серафим»).

В прозе Шаламова мифологема воды играет значительную роль и в создании мотива *границы*, в котором можно обнаружить глубокие мифологические корни. Например, в рассказе «Эсперанто» образ моря выступает в качестве границы, разделяющей два мира: между жизнью и смертью, между прошлым, настоящим и будущим. В рассказах «Шерри-бренди», «Боль», «Татарский мулла или чистый воздух», «Причал ада» возникает образ корабля, который ассоциируется с мифологической лодкой Харона, перевозящей людей в загробный мир.

Мифологема воды в рассказах В. Шаламова часто взаимодействует с мифологемой воздуха, превращая воду в «овеществившуюся стихию небытия» – лед. В «Колымских рассказах» воплощается основное

архетипическое значение льда. Лед является символом смерти, замирания, парализации возможности человека («Серафим»), и, наоборот, метафорическое таяние льда означает освобождение человека («Лида»).

Мифологема воды в «Колымских рассказах» создает философский подтекст, который подчеркивает основные экзистенциальные мотивы *одиночества, отчуждения*, раскрывает психологическое состояние шаламовских персонажей («Серафим», «Букинист», «Перчатка»)

Третий параграф посвящен исследованию функций мифологемы огня. Персонажи «Колымских рассказов», живущие в «ледяном» пространстве Колымы, тяжело переносят отсутствие тепла, поэтому так значим в художественном мире В. Шаламова образ огня. Анализ мифологемы огня в «Колымских рассказах» показал наличие основных архетипических значений этого образа: огонь как спутник и помощник («Май»), как символ домашнего очага («Артист лопаты», «Надгробное слово»), как целительная сила («Как это началось») или грозная и опасная стихия («Укрощая огонь», «Хлеб»).

В одном шаламовском рассказе могут содержаться основные архетипические значения мифологемы огня, доминировать одно значение или проявиться два амбивалентных значения («уничтожающая сила» и «помощник» в рассказе «Укрощая огонь»).

Мифологема огня создает философский подтекст, в котором выявляется авторский взгляд на устройство мира, на место человека в нем («Укрощая огонь»), подчеркивается сущность отношений «я» – «другой», основанные на невозможности понимания двумя людьми друг друга («Хлеб»). Мифологема огня подчеркивает суровость лагерного мира, где нет места универсальным нравственным законам, где действуют отличные от вольного мира правила («Ягоды», «Артист лопаты» и др.).

Основным воплощением мифологемы огня становится солнце, которое содержит в себе традиционную для мифопоэтического мышления

символику жизни и смерти (образ солнечного затмения). Образ солнца может реализовать идею противоборства света и тьмы, духовного и бездуховного («Выходной день»). Солнечные лучи, в зависимости от их цветовых и световых характеристик, могут обладать значением смерти («темные» лучи в рассказе «Вейсманист») или открытости души («золотые» лучи в рассказе «Первый чекист»).

В четвертом параграфе рассматривается роль мифологемы воздуха в «Колымских рассказах». Как грубая хаотическая сила он прежде всего воплощается в «смертных вихрях» массового истребления людей в лагере («Как это началось» и др.). Беззащитность людей перед «ветрами истории» в «Колымских рассказах» подчеркивается значимым отсутствием символа Дома.

Тяжелый, непригодный для жизни воздух характерен для лагеря, однако воздух в тюремной камере – «спертый, пахнущий карболкой и человеческим потом», парадоксальным образом становится воздухом свободы. В этом образе тюремного воздуха находит свое воплощение архетипическое значение воздуха как духовного начала в человеке, его души, а также личные впечатления Шаламова от пребывания в Бутырской тюрьме, в которой заключенный имел возможность знакомиться с произведениями мировой культуры, чувствовать себя относительно защищенным в коллективе, рассчитывая на поддержку своих товарищей.

В «Колымских рассказах» практически не встречается воплощение мифопоэтического значения мифологемы воздуха как божественного откровения. В то же время противопоставление «материального» и «духовного», неба и земли – вертикали *верх/низ* – воплощается в образе звезд. Образ звезды в художественном мире Шаламова неизменно несет положительную окраску. Звезды в «Колымских рассказах» становятся символом спасения, жизни («Сгущенное молоко»), символом искусства, культуры, а значит – спасения («Перчатка»).

В заключении обобщаются результаты исследования и формулируются основные выводы.

Характерные для прозы Шаламова бытовая, историческая и психологическая достоверность, имплицитно-подтекстовый способ повествования, стремление автора к философскому осмыслению реальности позволяет создать своеобразный художественный образ мира – колымский «антимир».

Мифопоэтический анализ «Колымских рассказов» позволяет выявить архетипические корни художественных образов, обнаружить в произведении глубинный семантический пласт, который делает возможным интерпретировать шаламовские рассказы в онтологическом ключе. В «Колымских рассказах» В. Шаламова природно-космические мифологемы соединяют в себе элементы архаического сознания, исторический и социальный опыт писателя, и, наконец, его экзистенциальное мироощущение. Истоки исследуемых мифологем можно обнаружить в библейских образах (рассказ «Воскрешение лиственницы» пропитан аллюзиями на евангельский сюжет о воскрешении Иисуса), в славянских и античных мифах (аллюзии на сюжет о путешествии в загробный мир), в литературных аллюзиях и реминисценциях (например, реминисценции на стихотворение О. Мандельштама «Notre Dam» в рассказе «Дождь» и др.).

Используя природно-космические мифологемы, Шаламов разграничивает пространство на «свое» и «чужое», причем герои «Колымских рассказов» всегда находятся в «чужом», враждебном мире. В «Колымских рассказах» благодаря мифологемам земли, воды, огня, воздуха реализуется универсальная модель бытия, впервые заявившая себя в мифе: человек ничтожен перед лицом высших, чаще злых, сил, но в этом бездуховном несвободном мире, «принизанном «смертными ветрами», злу противопоставляется мир вечно живой культуры. Основная мысль всех произведений В. Шаламова (и художественных, и публицистических) –

мысль о значимости творчества, в котором человек «воплощается», преодолевает свое экзистенциальное одиночество.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. *Пейзаж в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова* // Проблемы литературы XX века: в поисках истины: Сборник материалов по результатам Всероссийской научной конференции молодых ученых «Проблемы литературы XX века» / Отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2003 (0,4 п.л.).

2. *Тема смерти в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова* // Res philologica: Ученые записки / Отв. ред. Э.Я. Фесенко. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. – Вып. 4 (0,3 п.л.).

3. *Экзистенциальные мотивы в творчестве Шаламова* // Проблемы культуры, языка, воспитания: сборник научных трудов / А.И. Есюков, П.В. Лизунов, Н.И. Николаев. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004. – Вып. 6 (0,2 п.л.)

4. *Роль художественной детали в рассказах Шаламова* // VI Ломоносовские чтения студентов, аспирантов и молодых ученых: Сборник научных трудов / Отв. ред. В.Н. Булатов, В.И. Голдин. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2004 (0,2 п.л.).

5. *Поэтический космос Варлама Шаламова* // Региональный вестник молодых ученых: Сборник статей молодых ученых и аспирантов / Отв. ред. С.Г. Абдулманапов. – М., 2005. – №2 (0,8 п.л.).

6. *Мотив огня в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова* // Филологические традиции в современном литературном и лингвистическом образовании. – М., 2006 (0,4 п.л.).

7. *Роль мифологемы воздуха в «Колымских рассказах» В.Т. Шаламова* // Вестник поморского университета / Отв. ред. А.В. Репневский. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2006. – Вып. 3 (0,4 п.л.).

8. *Космос Варлама Шаламова* // Проблема героя в художественном мире писателей XX века. Коллективная монография. – Архангельск: Поморский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2006. Глава III (2,9 п.л.).